

Художественная мастерская стала для Линь Яня новой тихой гаванью.

Учитель, которого нанял для него Се Юньшэнь, был прекрасным мастером: опытный, мягкий в общении, он никогда не скупился на похвалу. И Линь Янь действительно проявил талант. Вся та ярость, что копилась в нем на улицах, вся та неумная энергия, казалось, нашли наконец выход — они перетекали на холсты, превращаясь в густые, насыщенные или, напротив, мрачные тона.

Он начал рисовать небо за окном, разбитое на геометрические фигуры, покрытую пылью вазу в углу, расплывчатое отражение собственного лица в стекле. В его картинах сквозила первобытная, необработанная сила, однако сюжеты всегда ограничивались лишь этим пространством, словно мир Линь Яня изначально был не больше этих стен.

Се Юньшэнь иногда приходил посмотреть, как он работает, и подолгу молча стоял за его спиной. Своим мягким голосом он изредка давал советы, указывая на тонкую игру света и тени или на удачную композицию. Он никогда не посягал на творческую свободу Линь Яня, но само его безмолвное присутствие было незримым ориентиром.

— У Янь-яня очень своеобразный взгляд, — однажды произнес Се Юньшэнь, глядя на полотно, залитое тяжелым, почти чернильным синим цветом. Его пальцы мягко опустились на плечо юноши. — Впрочем, может быть, стоит добавить немного света?

Его пальцы были теплыми, это тепло просачивалось сквозь тонкую ткань одежды. Линь Янь, сжимавший кисть, замер. Он посмотрел на этот глубокий синий цвет, который выплеснул на холст неосознанно, в порыве внутренней тревоги, и молча кивнул. На следующий день на его палитре действительно появилось несколько тюбиков с более яркими красками.

Он, кажется, уже привык подстраиваться под это мягкое руководство.

Так продолжалось до тех пор, пока Се Юньшэнь не взял его с собой на закрытую выставку частной коллекции.

Это было светское мероприятие высокого уровня, где повсюду мелькали изысканные наряды и слышались утонченные беседы. Линь Янь был облачен в костюм, сшитый на заказ по распоряжению Се Юньшэня. Одежда сидела безупречно, но сам он чувствовал себя гадким утенком, случайно попавшим в стаю лебедей, и ощущал неловкость каждой клеточкой тела. Он следовал за Се Юньшэнем по пятам, слушая, как тот обменивается любезностями с окружающими, используя полупонятные термины, и чувствовал себя куклой, которую нарядили и выставили напоказ.

Се Юньшэнь чутко уловил его напряжение. В углу относительно тихого зала он остановился, склонился к самому уху юноши и прошептал, обдавая его теплым дыханием:

— Если не любишь светские беседы, можешь походить и посмотреть всё самостоятельно. В

этом зале неплохие работы, думаю, они тебя заинтересуют.

Он указал на небольшой зал по соседству, где были выставлены преимущественно современные портреты.

Линь Янь, словно получив долгожданное освобождение, кивнул и направился туда в одиночестве.

Здесь было гораздо тише. На стенах висели портреты в самых разных стилях — от реализма до абстракции. Он бесцельно бродил вдоль картин, скользя взглядом по лицам — знакомым и чужим, — пока не остановился перед небольшим полотном.

Женщина на картине была молода. В ее чертах читалась не знающая жизненных невзгод яркость и дерзость, уголки губ едва заметно приподняты, а в глазах затаилась едва уловимая упрямая дикость. Это выражение, контур бровей... Сердце Линь Яня бешено заколотилось, необъяснимое чувство узнавания накрыло его с головой.

Он невольно подался вперед, вглядываясь в табличку под картиной.

Безымянная девушка, автор: Линь Вань.

Линь Вань... Это имя, словно камень, брошенный в гладь озера, вызвало круги на воде в самой глубине его души. Он не понимал, почему имя и портрет совершенно незнакомой женщины вызвали у него столь бурную реакцию.

В тот момент, когда он застыл в оцепенении, рядом раздался женский голос, полный удивления и нерешительности:

— Ты... ты уже долго смотришь на эту картину.

Линь Янь вздрогнул и обернулся. Перед ним стояла статная женщина средних лет в безупречном наряде. Она смотрела на него, и в ее глазах читалось сложное, пытливое выражение.

— Неужели? — Линь Янь смутился и инстинктивно сделал шаг назад, пытаясь увеличить дистанцию.

Женщина же, наоборот, шагнула вперед. Ее взгляд метался между лицом юноши и картиной, а в голосе сквозило невероятное волнение:

— Похож, как же он похож... Особенно глаза, и этот изгиб бровей... — Она, по-видимому, осознала свою бестактность и немного взяла себя в руки, но всё же не удержалась от вопроса:

— Дитя, ты... ты знаком с госпожой Линь Вань? Или, может быть, твоя семья...

— Янь-янь.

Мягкий, но не допускающий возражений голос прервал ее вопрос.

Се Юньшэнь подошел незаметно. Он совершенно естественно обнял Линь Яня за плечи и слегка отвел его в сторону от женщины. На его лице по-прежнему играла безупречная, мягкая улыбка, когда он едва заметно кивнул собеседнице:

— Госпожа Ван, давно не виделись.

Женщина, которую называли госпожой Ван, при виде Се Юньшэня заметно побледнела, в ее глазах промелькнули опаска и замешательство, но она тут же вернула себе светскую невозмутимость:

— Господин Се, и правда, давно. А это...

— Ребенок из дома, взял его с собой, чтобы мир повидал, — голос Се Юньшэня был ровным, но в нем прозвучала нотка собственничества. Он посмотрел на Линь Яня, и его взгляд потеплел:

— Осмотрелся? Нам пора в следующий зал.

Линь Янь всё еще был погружен в шок от увиденного и недосказанные слова госпожи Ван. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но, встретившись с бездонными, но всё такими же улыбающимися глазами Се Юньшэня, почувствовал, как слова застряли в горле. Он ощутил, как рука на его плече сжала его — мягко, но непреклонно.

— Да, — наконец тихо отозвался он. И, как обычно, позволил Се Юньшэню увести себя прочь — от этой картины, из этого зала, который мог хранить тайну его происхождения.

С начала и до конца Се Юньшэнь не проявил ни малейшего интереса или странности ни к картине, ни к имени, ни к словам госпожи Ван. Он даже не взглянул на холст еще раз.

В машине, по пути домой, царила тишина. Линь Янь смотрел на мелькающие за окном городские пейзажи, а в голове раз за разом прокручивал лицо женщины с портрета и незаконченную фразу госпожи Ван.

Твоя семья...

Его семья? Да откуда у него какая-то семья. У него есть только Се Юньшэнь.

Он украдкой поднял глаза на Се Юньшэня, который сидел рядом с закрытыми глазами. Бледное лицо мужчины в потоках света, проникающего сквозь окна, казалось безмятежным и совершенным, словно изваяние из безупречного нефрита.

Но почему... почему он появился именно в тот момент, когда Линь Янь был так близок к тому, чтобы прикоснуться к своему прошлому? Почему госпожа Ван так отреагировала на него?

Вопросы, словно пузырьки со дна водоема, бесшумно поднимались на поверхность.

Се Юньшэнь, словно почувствовав на себе взгляд, медленно открыл глаза и повернул голову. На его губах заиграла привычная мягкая улыбка:

— Устал? Попрошу дядю Чжоу приготовить тебе успокаивающий отвар, когда вернемся.

Его забота, как всегда, была безупречной и всеобъемлющей.

Линь Янь смотрел на него, на это лицо, дарившее ему весь покой и тепло, что он знал, и те вопросы, что только что зародились в его душе, начали таять, как лед под лучами солнца.

Может быть... это просто совпадение?

Он опустил голову и тихо произнес: — Хорошо.

Подобно детенышу, ищущему защиты, он сам прижался к плечу Се Юньшэня. Тот в ответ обнял его крепче и погладил по спине, словно успокаивая.

Вот только в тот момент, когда Линь Янь не мог его видеть, в глубине глаз Се Юньшэня, под слоем мягкой тьмы, промелькнул холод — ледяной, способный заморозить всё вокруг.

В мире за пределами рамы, похоже, появились вещи, которым там не место, и они попытались вторгнуться в полотно, которое он так тщательно выписывал.

Впрочем, ничего страшного.

Он опустил взгляд на макушку юноши, доверчиво прильнувшего к нему, и уголки его губ едва заметно дрогнули.

Любая пыль, способная потревожить его сокровище, будет нежно, но решительно смахнута прочь.